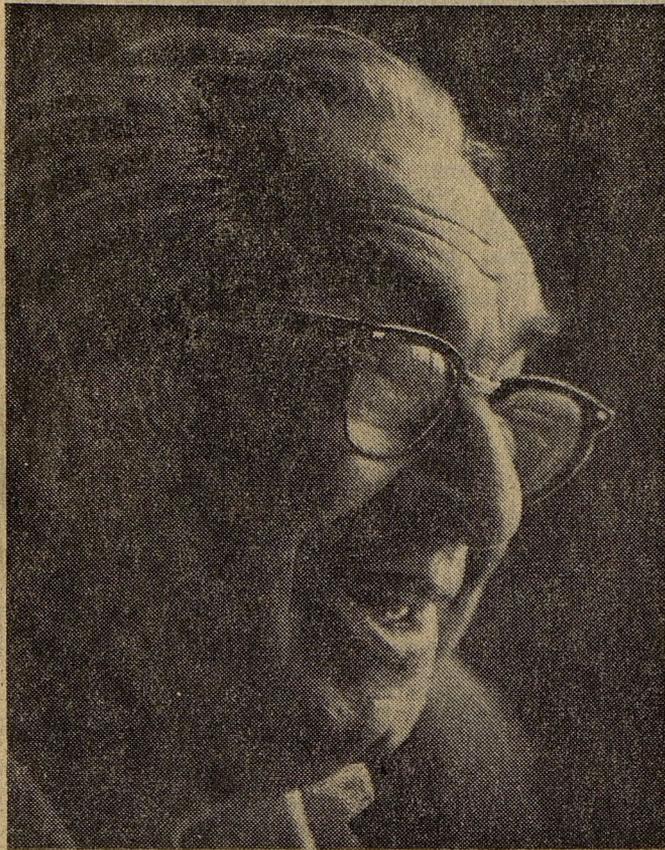

Неповторимость Сурена Кочаряна

К 75-летию со дня рождения

КОГДА-ТО талантливый и многоопытный театральный критик Ю. Юзовский рассказывал мне о своей главной книге, книге, которую он так и не написал. А хотелось ему сделать портреты неповторимых единственностей в искусстве. Таких, как Станиславский, Мейерхольд, Эйзенштейн... Он назвал мне всего с десяток имен и среди них был Сурен Акимович Кочарян.

Помнится, я очень порадовался тому, что мой давний и верный друг зачислен в десятку самых ярчайших индивидуальностей в искусстве, одним из самых взыскательных критиков и знатоков театра. Это заставило меня еще внимательнее приглядеться к тому, что вот уже сорок лет на моих глазах делает Сурен Акимович, по-новому взглянуть на его прочные неизменные успехи и его неугомонные труды.

Давайте припомним лишь немногие из произведений, которые он исполняет: прежде всего это полные огненного темперамента произведения классиков Армении, затем «Одиссея», «Витязь в тигровой шкуре», «Давид Сасунский» — это эпосы. «Декамерон» — новеллы. «Владимир Ильич Ленин» — поэма. «Крейцера соната» — рассказ. «Молодая гвардия» и «Золото» — романы, а могучую силу композиции «За Родину» передали фрагменты из трагедии Шекспира. Вдумаемся, как многообразны эти жанры, как многолики авторы. Классики армянской литературы Туманян и Сундукян, Руставели и Гомер, Толстой и Маяковский, Боккаччо и Шекспир, наши современники Фадеев и Полевой — какого огромного диапазона творческих перевоплощений требуют они от актера. Ему должны быть подвластны героические страсти и комедийное лукавство, живая восточная цве-

тистость и беспощадная русская обличительность, знание своих современников и ясное поэтическое представление о древнем богоподобном Гомере. И дело даже не в том, что при исполнении образов столь разнообразных героев нужно ясно обозначать жанровые особенности и границы произведений, их национальные особенности, их форму и стиль — надо с достоинством представить личность каждого автора, ибо Сурен Кочарян всегда выступает как его полномочный представитель на эстраде. Мало того, что вступление к «Одиссее» он произносит по-гречески, а скажем, перед «Шахразадой» возглашает традиционную хвалу Аллаху по-арабски. Он от начала и до конца верен образу автора и даже не играет его, а живет перед нами, как он, в час творения. В этом и есть главное чудо актерского искусства Кочаряна, он не читает свои композиции и не рассказывает их, а как бы творит каждое из этих повествований заново у нас на глазах, опираясь на свое всегда безупречное знание самой сокровенной духовной и творческой сути автора, что дает ему полное право выступать от его имени.

Книга С. Кочаряна «В поисках живого слова» полна иллюстраций — это фото-портреты, сделанные мастерами своего дела во время исполнения каждой композиции. Приглядитесь к портретам этих героев и вас охватит изумление — текст как бы оживает, он передан в лицах, все они одинаково выразительны и все поразительно разнообразны. Их представлено здесь около сотни, но все они разные, и вы без труда, только по их лицам узнаете, и чьи они герои, и каков он, их автор и создатель.

КНИГА С. А. Кочаряна «В поисках живого слова» рассказывает нам, каким, не побоюсь этого слова, титаническим трудом добывается и мастерство перевоплощения и — самое главное — драматургическое построение каждой композиции. Это удивительно точно — для того, чтобы иметь успех в искусстве — надо еще в детстве оказаться у него в плену. С этого начинается повествование на «Страницах творческой биографии» — в первом разделе книги. Именно здесь рассказано о том, что если душа устремлена к творчеству, очи с самых ранних лет начинают отбирать все, что послужит впоследствии актерскому мастерству. И рассказал нам Сурен Акимович, как на всю жизнь остались у него в памяти сказки и рассказы — представления бабушки, шутки кинто, даже горестные плачи на кладбище... Но ведь Тбилиси, где он родился, вырос, учился в гимназии, сам по себе был редкостным явлением, где так причудливо и тесно переплелись Восток и Запад — сместились лица, нации, культуры, традиции. Вот почему начальный жизненный опыт актера был и громаден и многообразен. Вероятно, из страсти изображать ближних родилось стремление показать и самое знакомое и самое неведомое — тысячелетия человеческой истории в лицах и сделать нечто такое о наших днях, чего доселе не делал никто. И зазвучали с эстрады голоса, узнаваемые сегодняшние и вчерашние, и голоса из глубины веков и при том так, как будто иначе и прозвучать они не могут.

Три тысячелетия восхищало «Одиссея» и «Илиада» человечество — но, вероятно, не было случая, чтобы нашелся раисод («склеивающий песни») — как называли чтецов в Древней Греции), который смог бы склеить «Одиссею» так, чтобы в один вечер предстали перед слушателями все ее главные герои, все их самые памятные подвиги, деяния, верования и взгляды. Гигантскую работу проделал Сурен Акимович, выстраивая по переводу Жуковского те гекзаметры, которые повествуют не столько о чудесах и распрях богов, сколько о жизни человеческой. И сделал это так, что всем интересно следить за путешествием Одиссея, и когда идет повествование о его огромных и шумных подвигах, в зале стоит мертвая тишина. Объясняется это тем, что С. Кочарян, по признанию даже ученых-эллинистов, «сделал композицию более реалистичной», чем сама «Одиссея» гомеровская. «Включая в соответствующие места отдельные мысли, сентенции, афоризмы как повествователя, так и героев, вкрапывая в композицию наиболее характерные и яркие детали, рисующие эпоху, ее быт и

уклад, особенности построения речи, С. А. Кочарян добивается большой рельефности и выявления реалистической основы памятника, тем самым делая его более созвучным, а стало быть, и более близким и понятным советским людям» (статью эту подписали член-корр. АН СССР С. И. Соболевский, доктор филологических наук Н. Ф. Дератани и другие ученые).

В авторских преобразованиях и в актерском исполнении С. Кочаряна любой памятник древности предстает перед нами «как живой с живыми говоря». Наиболее выразительный шаг в этом направлении совершил Кочарян еще во время Великой Отечественной войны. Я работал тогда в «Комсомольской правде» и помню, как перед солдатами и офицерами, сотрудниками редакции, фронтowymi корреспондентами выступил Сурен Акимович со своей композицией «За Родину!».

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ чтение — явление исключительно наше, советское. Оно получило такое широкое распространение, в нем столько голосов, актеров, индивидуальностей, они исполняют столько произведений, что можно смело сказать: у нас в стране создан, живет и процветает Театр Художественной Литературы, доносящий самые лучшие ее творения во все углы страны. В этом театре С. А. Кочарян — старейшина и лидер, у него здесь свой неповторимый голос и свои принципы. Он не только друг и наставник целой плеяды уже признанных мастеров — но в своих выступлениях, статьях, книгах он заявил о себе как зрелый и опытный теоретик целого направления в чтецком искусстве и пламенный поборник реализма. Отвергая формалистические фокусы, слащавую декламационность, он выступает за «доверительность» тона и чтеца, за глубину проникновения в текст. Выступая и неоднократно с крупнейшими оркестрами и музыкантами, он на собственном опыте открыл, что «музыка в самом слове», и оно в музыкальном сопровождении не нуждается.

Впрочем, выведенные им из практики правила не обязательны для всех, но безусловно всем полезны, так как рассказывают секреты пленительного искусства самого Кочаряна. Он полон творческих сил и молодой энергии. Кто в этом сомневается, пусть припомнит только что показанную по Центральному телевидению «Шахразаду». Вспомнили? А теперь скажите, разве можно этому живому, веселому, подвижному и остроумному рассказчику дать 75 лет?

Василий СУХАРЕВИЧ.